

Хозяйка ряда

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Хозяйка ряда

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Хозяйка ряда / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Саратов, весна 1993 года. Валя Скворцова приходит на рынок с пачкой шнурков. Класть их на мокрую землю жалко, и продавщица обуви Нина сдвигает коробки, освобождает ей половину своего стола. К вечеру у Вали есть первая выручка и человек, к которому хочется вернуться утром.Через два года Нинины сапоги летят в грязь. За место подруги уже заплатили, теперь с них требуют ещё и за право подвезти товар. Валя нанимает двоих мужчин постоять у прилавка. Это помогает. Скоро весь ряд бежит к ней, когда надо встретить фургон или защитить соседа. А потом Нина договаривается с водителем сама. В понедельник к пяти он обещал доставить заказ. Валя тоже знает, куда придёт машина.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Половина стола 5
Глава 2. С почином 10
Глава 3. На живую ногу 14
Глава 4. Место под липой 18
Глава 5. Непарные 23
Глава 6. Дождевые деньги 27
Глава 7. Вишнёвый кузов 31
Конец ознакомительного фрагмента. 35

А.М. Сунгурский
Хозяйка ряда

Глава 1. Половина стола

Первого покупателя Валя упустила, пока искала, куда поставить сумку. Человек хотел чёрные шнурки, показал ей правый ботинок, а потом ему надоело стоять на одной ноге. Он так и ушёл в расхлябанном ботинке. Вчера на кухне они с Петькой совсем про другое говорили. Вчера предполагалось, что человек всю жизнь шёл к их шнуркам и подождёт сколько надо.

Она стиснула сумку коленями и распорола булавкой нитку, которой брат стянул пучки. Чёрные, коричневые и почему-то больше всего жёлтых. Жёлтые были круглые, скользкие, с твёрдыми наконечниками. Петька утверждал, что такие и на Западе поискать. На лице у него при этом стояло выражение, знакомое ей по далёкому воскресенью, когда он притащил домой пол-аквариума без дна.

В торговом дворе были длинные столы и короткие, два чемодана под клеёнкой и одно роскошное автомобильное сиденье с подголовником. На него раскладывали пачки трусов, а продавец стоял рядом, хотя имел полную возможность сидеть. Валя ещё раз прошла от ворот к синей будке. В апреле ноги уже скучали по лету, на плечах всё ещё приходилось таскать зиму, и сейчас пальто под мышками стало мокрым. Свободный кусок ящика в последний момент оказался местом, где резали хлеб. Ей показали нож.

— Повесьте на себя, — предложил хлеборез. — Идёт человек в шнурках. Это интересно всем.

— На вас повесим. Вы ходите, я деньги собираю.

Он подумал и рассмеялся, когда она уже отошла. Немножко заработала, решила Валя. Хоть человек смеётся.

За ней от синей будки следили две острые собачьи морды. Когда она приблизилась, морды оказались полусапожками из рыжей кожи. Они стояли впереди чёрной и серой обуви, сильно задрав носы. Женщина за ними, плотная, с закатанными рукавами приличного жакета, снимала с чужой ноги сапог. Покупательница держалась за её плечи. Обе женщины смотрели вниз и сдержанно тужились, точно им приходилось совершать нечто слегка непристойное.

— До вас я в него вошла, — с упрёком сказала та, что стояла на одной ноге.

— Поэтому я и не ухожу.

Валя поставила сумку и присела.

— Носок на себя. Вот так. Пятку мне дайте.

Сапог освободился с таким звуком, что продавец трусов отошёл на минуту от своего сиденья и заглянул через женские головы. Высвобожденная нога была маленькая, в тонком заштопанном чулке. На пятке серела тесная решётка из ниток, розовая кожа пробивалась наружу.

— Велико спасибо, — сказала покупательница Вале и тихо спросила продавщицу: — А вы мне такую же пару не привезёте, только в подъёме повыше?

— Я найду вам сапоги, в которых вы ходить сможете. То же самое не просите. Они вам нравятся, пока стоят.

Она дала женщине обрывок коробки и огрызок карандаша. Та написала телефон и фамилию. Картон продавщица спрятала в левую манжету жакета, отвернув её ровно настолько, чтобы Валя увидела кармашек с пуговицей. Пиджачок с виду был как из театрального буфета, изнутри — настоящий зверь, приспособленный зарабатывать.

— У вас ничего так дело поставлено, — сказала Валя.

Женщина уже наклонилась за её сумкой. Взяла за одну ручку, открыла и стала смотреть. Валя хотела отнять. Дома даже в Петькин кошелёк, если он просил мелочь на звонок, она не лазила, подавала целиком. Здесь человек словно прикинул, сколько она сама весит вместе со всем содержимым.

— Откуда столько жёлтых?

— Эта у меня сегодня самая дорогая справка.

— В смысле?

— Все хотят знать, почему жёлтые. За ответ буду отдельно брать.

Женщина вынула связку, приложила к рыжему сапожку и оставила на месте поверх голенища. Потом сняла три коробки с левой половины своего столика и поставила за спину на кирпичи. Столик был сделан из тёмной чертёжной доски. Поперёк доски шла линейка. Женщина освободила место ровно до середины шкалы.

— Сюда положите. На земле грязь. Я Нина.

— Валя. А сколько с меня?

— Если сразу спрашивать, то дорого. А если до вечера, то посмотрим, сможем ли мы не передраться.

Вале захотелось, чтобы Нина всё-таки назвала цену. Разговор о благодарности мог случиться после того, как товар разложен, первый покупатель подошёл и отступать уже некуда. От ворот возвращался утренний покупатель. Он ступал правой ногой осторожно, чтобы не потерять ботинок. Валя схватила пачку чёрных шнурков и надорвала бумагу зубами.

— Видел, как вы там боролись, — обрадовал он её. — А я ещё по магазинам успел.

— Идите сюда, я вам сама завяжу.

Она опустилась перед ним на пустую коробку, выдернула старый шнурок и приложила к новому. Подходил. Возилась так долго, что через плечо заглядывали двое. У второго ботинка шнурок ещё держался. Денег мужчина дал за пару и хотел бросить второй шнурок в карман.

— Что ж вы будете на разных ходить? — удивилась Валя. — Вам самому не обидно за другую ногу?

Мужчина оглянулся, увидел зрителей и великодушно выставил вторую. Когда он ушёл, Нина сказала:

— Если вы на брюки перейдёте, предупредите за неделю. Мужу велю работу прогулять.

Им оказалось легко смеяться вместе. Обе начинали со звука, похожего на кашель, и только после него наступало самое приятное, когда стоять становилось трудно и можно было без всякой причины ухватиться за рукав. До встречи с Ниной Валя с утра ни разу вот так не хохотала. В шесть часов на кухне Петька мрачно написал на коробках цены, мать здоровалась через плечо, а на лестнице кто-то снял стекло с форточки, и сквозило как в подъезде покойницкой, где они зимой простились с тётей Полей. Все эти вещи лежали на своём привычном месте, однако между ними и нынешней жизнью появился человек, который видел, как она продаёт.

К обеду из запертого прежде окна над воротами высунулась женщина. Спросила через весь двор, кто занял третью доску возле синей будки. Нина отозвалась. Женщина сказала, что бумажку принесут после обеда, и скрылась, прижав створкой край занавески.

— А если не принесут?

— Кто?

— Женщина.

— Оля не спустится. У неё поясница. Подожди, сейчас увидишь, кто принесёт.

Нина уже говорила ей «ты», и Валя обнаружила, что на другом краю стола проще тоже себя не поправлять. Ровно посередине между ними лежала связка жёлтых шнурков, одна пара которой наполовину закрывала нос рыжего сапога. К обеду в ход пошли коричневые. Люди брали по три пары, чтобы больше не искать. Валя развязывала пучки, отделяла по паре и уже

без лишней примерки принимала деньги. Купюры размягчились от потных пальцев. Их нельзя было вынуть за один угол, они цеплялись друг за друга.

— Куда ты их? — спросила Нина, увидев, что Валя свернула пачку и засунула в пальто.

— В карман.

— Я вижу, что не в рот. Ключ рядом?

Валя сунула туда руку. Да, ключ был рядом с деньгами.

— До дому дойдёшь, выдернешь его, полбумаги на лестнице останется. Возьми.

Она щёлкнула по столу тугой канцелярской скрепкой. Вале не понравилось, что про ключ угадали, и она соединила деньги, только когда Нина отвернулась. Бумажки под скрепкой не гнулись и, собранные вместе, представляли вполне заметную сумму. Правда, бóльшая часть принадлежала ещё не ей.

За платой пришёл худой длинный мальчик с большими кистями рук, в которых зажимал квитанции и до половины очищенное варёное яйцо. Крошки скорлупы держались на его тёмном рукаве. Он положил одну бумажку около рыжей пары. Сверху против номера доски стояла фамилия: Олейник. Назвал сумму, не спросив, при деньгах ли они. Нина отсчитала.

— Ширшова до вечера, — сказала она. — У неё одна покупка с утра.

— Мне это яйцо хоть кто-нибудь даст съесть?

— Так ешь, Витя. Я Марье не скажу.

Витя ободрал остальную скорлупу, бросил в рот яйцо, и вся взрослая мина у него вдруг пропала. Перед ними стоял мальчик с неопрятно оттопыренной щекой и руками, которых хватило бы ещё на двух людей. Он кое-как проглотил и ушёл к продавщице лампочек.

— Сколько ему лет? — спросила Валя.

— Двадцать семь. У него девочка осенью в школу. А ты что думала?

Валя не ответила. Сама она умела определять на взгляд разве что возраст ребёнка, который уже полезет на подоконник, но ещё не сообразит, как слезть. Опыт получился скромный, зато многолетний, потому что Петька и в двадцать пять всё ещё умудрялся занимать обе эти должности.

Она взяла новую пачку чёрных. Женщина в клетчатой косынке, уже постоявшая в стороне, подошла к ней так тихо, что Валя сперва увидела только её руки. На прилавок легли детские ботинки, стоптанные каждый на свой бок. Один шнурок выдран вместе с двумя верхними дырками.

— Мне бы четыре, — сказала женщина. — Сколько у вас четыре?

Валя назвала цену за две пары.

— Мне четыре шнурка, на двух парней. Да ещё бы про запас. Дёргают, на неделю не хватает.

Женщина взялась за ботинки, словно передумала покупать, и приподняла у одного язычок. Под ним пряталась липкая зелёная карамель без обёртки.

— У двоих, что ли, ровно такие ноги? — спросила Валя.

— Ага. Был бы один пошире, им бы хоть не обидно было, что в одинаковом всё время.

Валя достала два пучка, жёлтый и чёрный.

— Они у вас свои ботинки отличают?

— Пока чистые.

— Тогда одному слева жёлтый проденьте, справа чёрный. Другому наоборот. При всех одинаковые, а дома сразу свой видать.

Женщина повертела шнурок, с опаской подёргала. Поднесла жёлтый к самому носу, будто у такого цвета должен быть свой запах. Она всё-таки купила две пары, одну жёлтую и одну чёрную. Если понравится дома, пообещала прийти за запасными. Перед уходом увидела Нину.

— Ой, Нин, ты теперь вдвоём?

— А что, Зой, у тебя кто-нибудь пропал?

— Я на ведро твоё хотела девок посадить, пока за маслом схожу.

— Так они девки? — изумилась Валя, ткнув в крохотные башмаки.

— Эти мальчишки. Пацаны дома. Девки от другого выводка, — невозмутимо ответила Зоя.

Она оглянулась, и к пустому пространству за столиком из толпы вышли две совершенно одинаковые девочки в красном. Девочки дождались, пока им кивнут, сели на перевёрнутое ведро спина к спине и сейчас же принялись толкаться.

— Все её, — тихим голосом сообщила Нина. — Так две двойни и родила. Кроме того, мужа выбрала из близнецов. С ним хотя бы ничего не надо делать.

— Постирать?

— Пусть брат делает. Всё равно не отличит.

Дети молча слушали. Та, что сидела поближе, начала смеяться на целую минуту позже, и от её запоздалого восторга Вале почему-то стало особенно хорошо.

Зоя унесла ботинки без карамели. Карамель через дырку всё-таки вывалилась на стол. Валя отвернула клочок обёрточной бумаги и взяла липкую штуковину, чтобы бросить. Одна девочка обернулась. Посмотрела на неё с отчаянной любовью. Валя покачала головой. Девочка опять отвернулась, сохранив лицо, на котором на полжизни хватило бы презрения к чужим женщинам.

Нина достала из-под прилавка полулитровую банку с молочным чаем и два пирожка в наволочке, вывернутой по шву наружу. Не завалявшийся мешочек из тряпки, а настоящую маленькую кукольную наволочку с застёжкой на перламутровую пуговицу.

— С капустой будешь?

— И капусту буду.

Валя взяла пирожок и отвернулась от покупателей, чтобы у них не возникло ощущения, что её от чего-то оторвали. Наволочка была забавная. Хотелось взять её в руки и показать Петьке, как выглядит вещь, на которую не надо было тратить ни рубля и которую всё равно сделали хорошо. Но Петька, конечно, сказал бы: пока ты будешь делать пуговицу, другие пирожок проглотят. И, возможно, был бы совершенно прав.

После обеда не купили почти ничего. Торговец бельём наконец сел в своё кресло. Пачки трусов он держал на коленях и поверх них чистил яблоко. Ветер поменялся и стал гнать через ворота плоский сор. Девочек давно забрали. Из шести кучек шнурков оставалось четыре с половиной, зато обе Нинины рыжие морды смотрели в мир с прежним удивлением. Вале было неловко, что она больше продала. Она даже немного разозлилась на Нину: почему об этом приходится думать ей?

— За стол пополам, — сказала она. — Я деньги уберу, а ты потом задержишь меня возле ворот, и мне придётся всё вынимать.

— Можно и сейчас задержать.

Нина вытерла тряпкой с половины доски налипшую землю. На светлом пятне проступили красные чернильные цифры, бывшая чья-то инженерная жизнь. Валя протянула ей половину того, что унёс Витя.

— А это за что? — спросила Нина. — С чего ты взяла, что у нас поровну?

— Ты же отодвинула свои коробки ровно до черты.

— Место пополам. А спина-то моя, которая этот стол сюда приволокла? Кирпичи мои? Ты у меня чистым воздухом обедала?

Валя медленно раскрыла вторую ладонь с оставшимися деньгами. О приятной усталости, о тёплом чужом плече под рукой, о наволочке она вспомнила разом и окончательно на них обозлилась.

— Так сколько стоит твоя спина?

— Это ты меня уже покупать пришла, Скворцова? Куда ж я дену морду, когда спину продам?

Валя сообразила, что фамилию Нина увидела на бирке старой семейной сумки. И что смеяться сейчас будет ошибкой, потому что Нина говорит серьёзно.

— Я не останусь должна, — пояснила Валя.

— А я не собираюсь каждый вечер у тебя на весах стоять. Сегодня ты впервые пришла. Сегодня я твою половину плачу. Завтра притащишь стол сама. Спрятан в будке, Витя откроет. Ты пораньше-то встаёшь?

Валя взяла пачку обеими руками, представляя, какое у неё сейчас жадное лицо. Кто усаживает чужого на полдня, даёт пирожок и только к вечеру говорит, что ему от тебя нужно? Не проще ли сказать утром? И разве она не кивнула бы тогда? Кивнула бы, а отдыхая с пирожком, считала бы часы, оставшиеся до расчёта. А так она полдня ни о чём таком не думала. Взяла пирожок, и всё. Вот на это, что ли, и злилась?

— Во сколько?

— Хочу завтра хоть раз зайти сюда, — сказала Нина, — а всё уже стоит.

Валя поняла это желание без всяких часов. Время они после уточнили.

Оставалось уложить рыжую пару, у которой в коробке между носами лежала тряпочка. Нина убрала её и подняла в одной руке оба полусапожка. Валя сунула обёрнутые пучки в сумку. Над головами хлопнула занавеска, наконец отцепившаяся от створки. Внутри будки доска легла длинной стороной на низкую железную полку.

— До завтра, Нин.

— Валь, а тебе домой в какую сторону?

Валя показала. Им оказалось не по пути. Минут двадцать они всё-таки простояли у остановки и разошлись с чувством, что жалко отложить до утра какую-то очень хорошую беседу. Если бы дома у неё спросили, что именно рассказала ей Нина Олейник, Валя не смогла бы толком ответить. Она узнала только, что в восемь без десяти ей откроют будку, откуда надо будет сначала выволочь кирпичи, а уж потом лезть за столом, иначе придавишь себе пальцы. В конце концов, для начала вполне хватало и этого.

Глава 2. С почином

Мать у них дома завела красивую жизнь. Для начала она вынула из серванта четыре хрустальных бокала и стала пить из них компот за обедом. Бокалы были куплены в шестьдесят восьмом году, когда отцу однажды дали премию. За двадцать пять лет из них пили, сколько помнила Валя, на её десятом дне рождения, когда детей отсадили на кухню, и на свадьбе двоюродной сестры, которая теперь вряд ли узнала бы их на вокзале. В квартире жило трое, бокалов стояло четыре. Когда Петька потянулся убрать лишний, мать перехватила его руку.

— Пусть смотрит, — говорила она.

Потом в кухню перекочевала белая льняная скатерть. Есть на ней рассольник никто не умел. Даже мать, самый воспитанный человек из троих. Едва они кончали, мать отмачивала пятна под краном в ванной и растягивала мокрую скатерть на холодильнике сушиться; летела оттуда старая газетка с описанием капустной диеты, грохотали пластмассовые крышки. Вечером квартира пахла выстиранным бельём, а не ужином.

Когда Валя вернулась с рынка, брат стоял босиком перед зеркалом в прихожей и ловил правильное выражение лица для клетчатого галстука.

— Ты умер? — спросила она.

— Почему умер?

— Галстук.

— Есть люди, которые ходят в галстуке. И зарабатывают прилично.

— А остальные умерли, — донеслось из большой комнаты. — Он теперь на оптовую базу начальником устраивается. Скажи ему, Валентина, пускай не боится. Кого он там галстуком удивит, завскладом, что ли?

Мать называла завскладом любого человека, у которого на поясе болталась большая связка ключей. Валя опустила сумку, провела рукой по лицу и вся, как стояла, в пальто и в грязных сапогах уселась на низкую тумбу под зеркалом. Петька подвинул ноги. Он был в плавках и в выходной рубашке. На груди галстук держался скользкой, слабо затянутой петлёй.

— Помоги, — попросил он. — Видишь, широкая сторона к пупу полезла.

— Завтра тебе на базу?

— Нет, сегодня, за ужином. Нравятся им люди с аппетитом. Ты думаешь, таким узлом я утром за пять минут управлюсь?

Он посмотрел на сестру сверху вниз, нагнулся и принюхался.

— Неужели все продала?

Вместо ответа Валя замотала длинный конец галстука вокруг пальцев, вытянула вперёд короткий и, пока Петька покорно пригибал голову, затянула узел, который когда-то каждое воскресенье вязала отцу в этом самом коридоре. С отцом они были примерно одного роста. Петька приходился ей подбородком к макушке, и даже теперь, когда он согнулся над тумбой, руки пришлось тянуть вверх. До чего же она устала.

— Сними через голову. Утром наденешь.

Он снял галстук и бережно повесил его в шкаф на гвоздь, с которого год не снимали плетёной авоськи. Валя села поудобнее.

— Сначала ты мне скажи, Петь. Почём ты их брал?

— На коробке же написано.

— Ты мою речь не сокращай. На коробке цена, почём продавать. А мне надо, сколько обратно отдать, потому что я уже своими деньгами как чужими распоряжаюсь.

— За чёрные рублями обещал, когда продам. Жёлтые мне за вынос шкафа. Я тебе говорил.

— Когда?

— Когда вы с мамой ругались из-за скатерти.

А если бы они тогда прыгали в Волгу с моста, об этом Петьке тоже показалось бы совершенно естественным упомянуть в прыжке. Он отодвинул зеркало, прилаженное к стене двумя согнутыми гвоздями, и высвободил застрявший в щели листок. С коричневыми тоже было непросто. Двое этих ребят из общежития, Серёжа с косым передним зубом и Андрей, которому в своё время зашивали на ладони длинный порез, обещали Петьке после работы гараж для переборки его мотоцикла. Он мотоцикл продал, а взамен несостоявшейся переборки взял несколько пучков шнурков.

— Если на деньги переводить, получаются дорогие, — сказал он.

У Вали в кармане дрогнула пачка, перехваченная скрепкой. Ей не хотелось своей мелкой выручкой оплачивать чужой вынос мебели, долговечный порез на ладони, детскую чепуху, из которой до сих пор состояла Петькина деловая жизнь. Жёлтые шнурки он отрабатывал всерьёз. Наверно, и шкаф был большой, на трёх ногах из четырёх, такой и увидишь во сне — потом целый день лежать хочется. Но, если не договориться сейчас, то через неделю она сама окажется включена в ту переборку мотоцикла и никто не сумеет сказать, кому из них теперь кто и что должен.

— Неси свои коробки в кухню, — сказала Валя. — Делить будем.

Не снимая рубашки, он натянул домашние брюки. На заду красовался белый круг мебельной краски. Из общежития, где они таскали шкаф, Петька принёс и шнурки, и этот отпечаток свежевыкрашенной табуретки. Валя расстегнула пальто, стащила сапоги и пошла за братом в кухню.

Они расстелили газету. Белая скатерть проступала вокруг неё, как настоящее неприкосновенное богатство. Мать вышла к ним в шерстяных носках и синей блузке. Садясь за стол, она разгладила полы у живота и расправила плечи. Ей нравилось приходить к детям из большой комнаты, как если бы они жили отдельными домами, но, по счастью, совсем неподалёку.

— У нас первое общее имущество? — спросила она.

— У нас первое раздельное, — сказал Петька.

Сначала высыпали все деньги. Петька прогладил их ладонью для ровности, отчего некоторые из них развернулись, а иные свернулись в гармошку. Мать вручила каждому лист бумаги и оба карандаша наскоро отточила одним ножом над банкой от чая. У Вали на один листок легли расходы. На второй лист Петька с готовностью записал людей, которым ещё что-то обещал за те шнурки, что в сумке остались. У него под карандашом Вале вдруг почудилось имя соседки, которая отдавала Петьке пустые бутылки.

— Зинке за что?

— Её сын таскал меня на санках у себя за верёвку.

— Господи, Петя.

— Я для примера, женщина! Я написал не Зина, а бензин. Это Боре, который за шнурками меня возил.

Боре она, пожалуй, не отказывала. В Бориных «Жигулях» дверца на пассажирском месте закрывалась поясным ремнём, намертво завязанным за спинку водительского кресла. Дешевле и умильнее устройства она не видела. Боря без уговоров подвозил всякого, кто попросит. Выбирались все через водительскую дверь. Пока последний пассажир протискивался под рулём, Боря терпеливо ждал на улице.

— А мне ты сколько оставляешь?

Петька занялся уголком газеты, сворачивая его в тонкий конус. Валя поняла, что об этом пустяке в его деловых рассуждениях пока не заходила речь. Купить и продать. Всё действие совершалось ровно между двумя глаголами, и живой человек больше туда не вмещался.

— Я тебе сама скажу, — продолжала она. — Завтра товар пополам. Выбирай, какую берёшь. Хочешь, все чёрные, и никому за них не должен. Остальное мне. От сегодняшних

денег тебе на базу с собой на обед, Боре бензин, маме за то, что меня кормила, пока я думала, как жить. Вот тебе рука.

— А как же я на работу пойду? Там надо с утра пораньше, а сюда уже днём тогда приходить? Место займут. Спасибочки.

— Зато, — сказала мать, — ты наконец понял, к чему ведёт устройство в одно и то же время на две разные работы.

— Так мы же их вместе возьмём, — сказал Петька. — Ты торгуешь, а я буду привозить, зачем нам прямо сейчас делить? Будто я у тебя что-то сильно украл.

Мать погладила свою половину скатерти. Валя увидела под её ладонью тусклое жёлтое пятно от воскресного супа. Красивой жизни шёл девятый день. Вале вспомнилось то счастливое чувство, с которым она надела на чужую ногу новый шнурок. Без Петькиной невероятной торговли шкафами оно ей, конечно, не досталось бы. И не осталось бы у неё ничего, если бы она сама не пришла сегодня к третьей доске с тем, что лежало дома совершенно бесполезно.

— Ты мне не доверяешь, что ли? — спросил брат.

— Ты мне можешь доверять всё, что хочешь. Я тебе свои ноги не доверю. Они у меня едва до тумбочки дошли.

Петька подвинул коробки друг к другу, между ними выстроил самую короткую из пачек.

— Бери лучше половину чёрных, — предложил он. — И половину грязных этих. Мне оставь жёлтые и сколько-то тёмных на выбор. А сегодняшние деньги делим сразу пополам. Я свои долги из моей половины отдам.

Они посчитали. Петькиной половины едва хватало расплатиться за чёрные шнурки. Боре за бензин он пообещал отдать с первой получки. Валя отделила из своей части на утренний хлеб, посмотрела на то, что осталось. Чёрные шнурки продавались. Большего она пока сказать о будущем не могла.

— Ну что, — сказала мать. — Кто согласен, пьёт компот. Кто не согласен, тоже пьёт, потому что у меня других напитков не предусмотрено. И не надо, чтобы мне деньги давали на хлеб. Я вам скажу, когда надо. Я и сама денег заработать могу. У меня по пять человек стояли за кексами, и всем, между прочим, доставались с одинаковым количеством изюма.

— Мам, это было, когда ты на буфете работала.

— И что? Я разучилась кексы печь? Целое событие, а я-то и не знаю.

Она ещё была горяча и сердита всякий раз, когда заходила речь о прошлом. Её столовую закрыли не навсегда, просто до осени. Осенью сменился заведующий и нашлись более решительные доводы оставить грязные котлы в подсобке, а раздевалку перевести в бухгалтерию. С тех пор мать не носила нарядные вещи круглыми днями, зато изредка доставала их к ужину и ставила ненужный бокал.

— С почином, — сказала мать.

Пили из хрусталя. Один бокал был с пузырьком, похожим на бледное брюшко сороконожки, и Валя ещё в детстве хотела себе именно его. Он достался ей и нынче. Подпирая носом край, она со стыдом думала только об одном простом человеческом желании: с этих своих денег взять и купить что-нибудь себе. В первый день, чтобы никто не мог сказать, что ничего в нём не было. Мать уже пододвинула каждому его долю и складывала газету пополам, точно пекла пирог. Петька прятал свою долю в жестяную банку от леденцов, когда-то прабабкину, где хранилась единственная фотография их покойного деда. Деда подвинули, но он остался со своими.

— Может, всё-таки подкинешь мне до того дня, когда возьмут? — спросил Петька, едва мать вышла.

Валя отстегнула скрепку.

— Для чего?

— А я завтра в чём им документы принесу? Приличные люди идут с какой-нибудь папкой. У нас только мамина авоська, я с ней пойду, они подумают — картошки мне полкило.

— Иди вовсе безо всего. Хочешь с папкой, папку найду. А на папку денег не дам.

— А где найдёшь?

— В шкафу. Там ноты лежат. Сними с них чёрную.

— Так прямо с нотами и идти? Представляю: «А что вы, молодой человек, умеете делать?» — «Выйду ль я на реченьку».

Петька запел вполголоса, загребая широкую воду круглыми руками. Валя дала себе ту самую минуту лёгкого счастья, которую положено было в этот день иметь. Что она купит, было всё равно пока неизвестно, и оттого она могла купить всё. Собственные ботинки. Книжку с картинками мальчику, который до сих пор с ней делился вещами, хотя был квадратным взрослым мужиком. Билет куда-нибудь в театр: зайти в пустой зал, дать женщине в белом воротничке повесить своё пальто и два часа глядеть, как живут другие, укрыв колени старым маминым шарфом.

Мать вернулась и расставила обратно бокалы. В зеркальных стенках серванта пустое место за их коротким рядом было видно насквозь.

— А остальные два где? — спросила Валя.

— Откуда два?

— Шесть же было всегда. Ты ещё их разворачивала так, чтобы папке ровные бока было видно, а пузырёк мой внутрь.

— Ты запомнила, — сказала мать.

Это была не похвала. В детстве Валя сама, без всяких списков, знала наперечёт всё крупное и красивое в доме. Кружек восемь, подушек четыре — ей, отцу, матери, Петьке. Хрустальных бокалов было шесть. Теперь их осталось четыре, и мать почему-то из всего, что осталось, именно их достала наружу.

— Ты их кому-то продала?

Мать прикрыла пустую банку от компота блюдечком.

— Не украли же у меня изо рта. Дай посидеть. Другой раз поговорим.

Валя отошла от серванта. Ноги ещё не совсем отогрелись, бумажки мелко пачкали кожу на ладонях. Недоверие к матери обернулось каким-то уважением с привкусом горечи. Ей казалось, что двое ходят наружу за жизнью, а мать ждёт, как они вернутся, разогревая им остаток вчерашней картошки. Тем временем за тонкой стенкой шла отдельная торговля, и если так, мать имела полное право об этой торговле им не рассказывать.

На ночь каждый сложил свои шнурки отдельно. Мать дала Петьке просторную наволочку, Вале достался всё тот же старый баул с адресной биркой. На коротком ремешке из кожи однажды сэкономили, и при каждом повороте бирка больно била по руке. Валя вытянула её из петли, чтобы убрать вместе с первым рабочим днём. На оборотной стороне карточки, подсунутой под мутную плёнку, отец когда-то записал расстояние от дома до дачного поворота и размеры колёс для прицепа.

Она повесила бирку на прежнее место. На кухонном табурете уже лежал листок, на котором Петька пробовал расписываться «зав. складом П. Ф. Скворцов». Зачем-то ему показалось необходимым поднять последнее «в» маленьким крылом. Валя знала, что он будет стоять завтра в приличном галстуке посреди плохо пахнущего коридора, фальшиво басить и ждать, пока взрослые люди заметят ошибку и прогонят мальчишку. Ей захотелось броситься к нему за занавеску, объяснить, как надо входить, что скажут, когда покажут дверь, где искать другой рынок на случай, если его оттуда всё-таки прогонят. Она подняла скатерть за уголок, на который наступил табурет, и пошла спать босиком, чтобы не разбудить никого из них.

Глава 3. На живую ногу

Бумажка с телефоном переночевала в манжете. Нина с утра вдела руку в рукав пиджака, услышала тихий хруст и вытащила из манжеты картонку. Аркаша выглянул из кухни с ломтем сала на ноже.

— Тебе чего-нибудь оставить?

— Дырку от хлеба.

Ему нравился сухой хлеб, ей мягкий. Он с вечера убирал её горбушку под перевёрнутую миску, себе оставлял ломоть на спинке стула. К утру на стуле вырастала превосходная деревяшка. Он резал на неё солёное сало, а горбушку протягивал Нине на раскрытой ладони.

— Дай разобрать, — попросила она, поднеся бумажку к его глазам. — Вторая Н или И?

— Телефон буквами записан?

— Фамилия. Я не могу позвонить в чужой дом и сказать, что мне нужна женщина, которая не входит в сапог.

— Ну-ка.

Он взял картонку, перевернул и быстро прочёл:

— Инчина. Первая «и», дальше «н», дальше горло у чайника. Понимаешь? Ин-чи-на.

— Бывает такая фамилия?

— Бывает разная. У нас мужик был Горячий, так все звали Холодильником.

Синий платок зацепился у него за вешалку. Нина освободила узел и подтолкнула мужа к двери. Куртка была давно пропитана мазутом, платок Аркаша надевал, чтобы на шее к обеду не образовался чёрный воротник.

До восьми оставалось двадцать минут. На третий гудок в трубке тихонько завозились.

— Вам кого?

— Инчина.

В трубке перестали возиться.

— Повторите, пожалуйста.

— Женщина вчера обувь у меня смотрела. Неправильно, что ли, фамилию прочла?

— Инчина тут хозяйка. А за сапогами ходила её сестра. Сейчас позову. Что ей сказать?

Возле телефона открыли кран. Нина услышала, как зазвенели ложки в раковине.

— По поводу сапогов скажите. Меня Нина зовут, я с торгового двора.

— С которого двора?

— С бывшей рембазы.

Скоро трубку взяла сама покупательница. Нина узнала её мягкий голос.

— Спасибо, что позвонили. А я вот комнату выкупаю, знаете. С вечера считала, считала. Во сколько всё-таки обойдётся ваша пара?

Вчера она спросила цену той рыжей пары и наверняка запомнила названную сумму. Для другого фасона Нина цены ещё не знала. К утру деньги у этой женщины, видно, успели побывать и в коробке с сапогами, и под подушкой, и снова повернули к сапогам. Нина и сама иной раз не могла вспомнить, какую сумму назначила за чужой заказ и какую на её месте решилась бы потратить.

— Комнату у кого?

— У моей сестры. Она будет продавать. Это я заодно сказала. Извините.

— Вам ходить в этих сапогах куда?

— Везде.

— Везде — это где ногами? Вы сколько стоите без перерыва?

— Полчаса на остановке и семь часов в школе. Я на кухне. Между двумя обедами можно присесть. А почему спрашиваете?

— Я бы посмотрела на то, в чём вы на работу идёте. Хочу поглядеть, где вам жмёт.

— А сегодня?

Нина имела в виду через неделю, когда приедет знакомый с зимней партией. В апреле такую обувь брали дешевле. До следующего привоза женщина раздумает и походит ещё год в тесной паре, которая стоила ей чёрт знает скольких дежурств у плиты.

— Сегодня вечером подойду, куда скажете. Свою обувь покажете, а дальше видно будет.

— Только не домой. Я вечером собаку выгуливаю. Знаете молочный у школы, возле моего двора? На углу в семь. Я покажу, что у меня за сапоги. А за то, что придёте, сколько?

— Не передумайте, и ладно.

Положив трубку, Нина сама рассердилась на гладкость своих ответов. Потом села к окну с холодным салом, съела сразу много, так что во рту от соли заболело, выпила воды из чайника. Уже половина девятого, подумала она совершенно спокойно. Последние три года около этого времени ей обычно вспоминалось всё, чего она не успела. Сегодня в будке был другой человек. Пока Нина беседовала с покупательницей, другая женщина вытаскивала кирпичи, разворачивала металлические козлы, клала поверх подкладочки из прорезиненной ткани и осторожно, чтобы не сшибить руку, ставила на них доску. Нина никак не могла представить, что там происходит, если обойдутся без неё, и с каким-то восхищённым ужасом ещё минут пять нарочно сидела у окна, не вмешиваясь в чужую неприятность.

Когда она добралась до двора, доска стояла прочно и ровно, как бывает один раз в жизни. Под кирпичами лежали узкие, одинаково нарезанные щепки. Валя раскладывала товар. Кроме шнурков у неё был теперь чёрный нотный портфель. Из такого портфеля один известный Нине человек в пятом классе достал куклу с отрезанной головой и всем показывал шею, взимая по копейке.

— Что там, — спросила Нина, здороваясь, — скрипка?

— Была папка для документов.

— Петькины, — призналась Валя. — Заходил по дороге на базу. В одной руке папка с документами, в другой сумка с его половиной шнурков. Поставил мне сумку под стол. Говорит, пусть мои с твоими полежат, а вдруг кто возьмёт.

— И чем кончилось? — спросила Нина.

— Я отказалась за него торговать. Он тогда сунул бумаги в карман, а в пустой нотный портфель высыпал шнурки. И побежал на базу. Догадайся, куда девался портфель.

Нина заглянула в портфель. Паспорта там и правда не было, сверху лежала тугая связка жёлтых шнурков. Валя подержала портфель раскрытым, потом торжественно захлопнула.

— Кладовщица у него теперь будет платная. А это мои щепочки. Они тебе глаза не мозолят?

Нина потрясла доску за край. Стояла насмерть. Она ничего не сказала, только заглянула под козлы. Когда подняла голову, Валя уже отвернулась к соседям, но Нина успела заметить, как она улыбнулась.

К вечеру Нина расторговалась. Деньги за серые сапожки отложила, как отступные себе самой за будущий вечер с незнакомой женщиной. После закрытия рынка она обычно шла домой мимо цветочного киоска. Сегодня пришлось повернуть к чужой школе. Ужина у них не было. Ничего, подумала она, в мужьях у меня человек с ножом и окороком, как-нибудь прокормится.

У школьной пожарной лестницы темнел кирпичный простенок. Сестра Инчиной, имени которой Нина так и не спросила, ждала возле него с маленькой лохматой собакой. Пёс прыгал у неё под коленями, садился, неистово чесал ухо и снова кидался под ноги.

— Давайте повожу, — предложила Нина.

— А он ни на шаг от меня не пойдёт. Филя, я за углом!

Филя так и остался прыгать на месте. Он явно не связывал успех своих упражнений ни с чьим временным исчезновением. Женщина свернула за простенок, опёрлась плечом о кирпич и сняла правый сапог. Ступня была узкая, а подъём высокий, над косточкой осталась глубокая красная вмятина. У Нины имелась именно такая вмятина после новых резиновых сапог, оставшихся на даче тётки. Она знала, как при сравнительно скромной ноге шаг превращается в мучение.

— Почему не носите просто ботинки?

— А как же юбка?

— С юбкой ботинки нынче не ругаются.

— Я в брюках на работу не хожу. Мне неудобно. А на правую ногу сами поглядите.

Она приподняла подол до колена. На голени, сразу над косточкой, блестел старый шрам от ожога. Женщина провела по нему ладонью и вывернула край снятого сапога. Жёсткий шов на голенище приходился как раз на шрам. Вот почему её так занимал высокий сапог: шрам должен быть закрыт, а кожа, к которой он прикасается, изнутри обязана быть одним целым куском. Ни молнии, ни подкладочного шва в этом месте. Не расскажи она, Нина привезла бы широкую модель с застёжкой. Разуться было бы легче, носить так же больно.

— На обеих так?

— Только справа. Слева у меня в порядке. Шесть лет уже. Оно сухое, не думайте чего.

— Оставите сапог на один вечер?

— А до дома?

— Виновата. Я вот так обведу сначала.

Нина вынула из сумки картонку, оставшуюся от коробки, и подсунула под ступню. Женщина держалась за стену, пока Нина обводила ногу в чулке. На бумажной полоске Нина отметила две высоты от пятки: где начинался шрам и где кончался. Пока женщина натягивала сапог, Филя исчез. Нина услышала далёкий свист.

— Стойте, не туда. Он в молочном. Каждый вечер мы с ним до этого угла доходим, и всякий раз ему там сахар суют.

Вдвоём они обошли ограду и отыскали пропажу перед открытой дверью молочного. Зажав кубик сахара в пальцах, продавщица без всякого успеха добивалась, чтобы пёс дал ей лапу. Остолбеневший Филя смотрел на сахар и тихо пел.

— Саша! Я же сколько просила. Ты ему пива налей, что уж.

— Ой, Инна! Мы только понюхать.

Женщина взяла Филю на руки, потрясла косматое ухо, и пёс с неожиданной силой подался вперёд. Саша хмыкнула и убрала сахар.

— А меня утром к Инчиной позвали. Фамилию мне всё-таки свою скажете?

— Инна Юхова. Вы голову себе не забивайте, у нас вся квартира сестру знает, а я всего месяц как вселилась. До этого у мужа жила. Половина комнаты моя, вторую сестра продаёт. Цену хочет как с посторонних, а когда я первой заплакала, тоже заплакала. Вот такие сёстры.

Нина написала на картонке печатными буквами «ЮХОВА. ПРАВАЯ». Ей хотелось маленькой мастерской, где можно было бы усадить Инну на нормальную скамью и прикрыть дверь, дать ей снять чулок, не высматривая из-за школьного угла собаку. На базаре такую покупательницу обслужить значило устроить представление.

— Дам вам слово только на одно, — сказала она. — Я спрошу, что можно сделать. Сама не буду резать купленную вами пару. Сперва вы её наденете, потом уже будете решать.

— А если ошибётесь и столько напрасно тут выходите?

— Так я же не за ваш счёт хожу.

— Вы, пожалуйста, и сами подсчитывайте, — сказала Инна. — У меня муж, пока ноги на блошином рынке бил, полквартиры выходил. Тоже всё думал, что бесплатно.

Филя напоследок попробовал пройти за продавщицей в дверь. Инна прижала его к животу. Он высунул голову из-под её локтя с видом простодушным и отрешённым. Если не считать небольших приключений с сахаром, ничто в городе Саратове не могло омрачить жизнь этого существа.

Дома Аркаша ужинал один. Перед ним стояла сковорода, на ней лежали два обсушенных ломтя с тёмной коркой. Нина в дверях увидела, что на втором хлебе сало он надрезал на маленькие кубики, как любила она.

— У тебя когда-нибудь сапог был только на правую ногу? — спросила она, усаживаясь. Он подвинул ей сковородку. — Я не про отсутствующий левый. Мне бы раздобыть мягкий правый. Попробовать на живом человеке, чтобы потом заказать пару.

— У Юльевича спроси. У него после покойников остаются. Мне делал молнию на куртке, так я у него над головой видел штук двадцать ботинок.

— После каких покойников?

— Он их так зовёт. Которым месяц назад позвонили, велели прийти за починкой, а они до сих пор не идут. Чего ты всполошилась? Ешь.

Она съела свою долю со сковороды, не поблагодарив. Дома ей сходило с рук и это.

Глава 4. Место под липой

К лету Валя научилась различать торговых людей ещё до того, как они начинали продавать. Бывший обкомовский шофёр мог прийти на рынок в габардиновом плаще поверх дорогой рубахи и шепнуть в чьё-то ухо, что у него лучший в Саратове лук и что он бы ещё довёз его прямо до дому. Зато мужик с хмурым лицом, тащивший деревянный ящик, напоминающий магазинную тару, просто вёл к реке привередливого старого кота. Кот орал всё время, пока ящик двигался в сторону дома, но как только старик поворачивал с ним к Волге, затыкался. Однажды продавец с плавками на шее потребовал прекратить мучить животное. Старик открыл незапертый ящик и показал всем зверя, который там лежал ничем не привязанный, без смущения подставив воздуху заросшие пухом остатки мужского достоинства. Вылезать кот поостерёгся. За ним ждали собаки.

Самой Вале хотелось хоть на час сделаться покупательницей. Люди бы поглядывали на подол её платья, на карманы, прикидывали, есть ли у неё деньги, а она походила бы, поглядела на просвет один ситец, другой. Казалось, это такое полезное безделье, и совсем нетрудно выйти из-за доски. Но всегда оказывалось то некому оставить кассу, то щурится издали и никак не решается подойти женщина, которая в пятницу брала бейку и ещё возьмёт, вот погоди. Она завела бейку, булавки и напёрстки для толстых пальцев. Шнурки годились в начало разговора; когда покупатель останавливался, он сам чаще всего знал, что ещё ему нужно. Валя узнала свои товары, слушая, куда люди собираются идти от неё.

В один из последних июньских дней пришёл грузовик, в котором продавали детские кроватки. В отличие от шнурков их нельзя было носить с собой на груди. Мужчина швырял из кузова на руки своих лохматых дочерей плоские связки дощечек, женщины тут же собирали из них мебель со спинками, похожими на зеркала без стёкол. Для образца хватило бы одной. Они же собрали четыре, три поставили в тени возле дальней ограды, а последнюю оставили у ворот на самом солнце. Из их сноровки видно было, что они с отцом давно разучили этот танец, только день никак не могли выбрать для выступления. Стояла такая духота, что забор у ворот пах ржавой кастрюлей.

Одна из девушек подошла к столу:

— Английских булавок есть побольше? Только вы мне каждую попробуйте. Вчера купила две запаянные, мужики плоскогубцами разнимали.

Пока Валя, обиженная за чужую продажу, расстёгивала булавки и снова вставляла остриё в стальное ухо, девушка возилась с юбкой. Ей требовалось подколоть разошедшийся на бедре боковой шов. Она беспокойно вертелась под взглядами покупателей, и Валя пустила её за свой стол. Набросила чёрную куртку на край доски, чтобы с улицы не было видно разошедшегося шва.

— Детские кровати будете возить каждый день?

— Завтра в Энгельс. Там нам обещали угол, если довезём с вечера. Но если здесь найдётся, где на ночь оставить, отец и утром туда успеет. Неохота по два раза собирать. Мы спинки сами пилим, видели, каждая разная?

— А отцу сколько лет?

— Сорок девять. Мы обе его дочки. А вот третья девка, вон та, на одеяле в кузове, сестрина.

Валя тронула острый край ткани между пальцами.

— Ты так только выше порвёшь. Дала бы я тебе иголку, да не проденем её тут на солнце — я сама от него уже ничего не вижу.

— Вон у вас на углу тётка с чемоданами, не ваша? Она к вам с утра заглядывает, а сама сесть не даёт даже на пустой. Оказалось, я ей солнце загораживаю.

Плохо различимая человеческая фигура сидела под молодой липой довольно далеко от стола. При ней были два прямоугольных серых чемодана. Точнее, она сидела на одном, другой занимал хорошее место рядом. Вале показалось обидным, что под липой целый день тени больше, чем на Нининой торговой площади за сутки, между тем человек не делает ничего и не способен этим наслаждаться. Она отпустила покупательницу со скреплённой юбкой и попросила Нину подержать кассу.

Нина глазами указала на соседку, Ширшову, которая уже собиралась сходить к окну над воротами. На её раскладушке ананасом стояла в ребристой банке батарея лампочек. Подвешивались они на медной проволочке, завитой над макушками спиралью. Особенно привлекательны были те, что из зелёного стекла. Днём они совершенно не нужны, но загорись такая зелень внутри тёмной прихожей — и своя квартира сделалась бы как театр.

— Марья, глянешь? — попросила Валя. — Десять минут.

— Не гляну. Честно говорю, придёт человек и возьмёт твои нитки, а я стою боком. Мне в прошлый раз Нинка щётку для замши припомнила. Бог её знает, куда эта щётка за ночь убежала.

— Щётка попросилась в отпуск, — сказала Нина. — Я совсем не на тебя. И найдётся. Вот завтра клиент попросит — и найдётся, когда он уйдёт.

У Ширшовой посреди лба, как от падающего мела, белел короткий шрам. Она сама часто оставляла соседям лампочки. Продавцам хоть трудно было следить за двумя столами, а Марье было трудно стоять за одним. Она всё время хотела куда-нибудь бежать. «Квартира мужнина, машина мужнина, лампочки он же привозит, — объясняла она, — и вот я должна ещё до смерти у него перед глазами торчать? Пожалейте вы человека».

— Валь, иди, — сказала Нина. — Потом меня сменишь. Я с утра солнце правым ухом ловлю. Хочется, чтоб хоть левое загорело.

— Возле липы тень, поговорю с женщиной — возьмёшь там скамеечку.

— То-то у меня уши похорошеют.

Они до сих пор продавали четыре зимние пары, занимавшие полстола. Нина отогнула на одной мех, белая овчина приманивала девчонок. Их матери иногда оставались посмотреть цену. Валя прошла мимо лежащего в тени ребёнка и кивнула ему издалека. В кузове было высоко, но человек согласился кивнуть обратно и безо всякого представления.

Под липой сидела тётка Зина с четвёртого этажа, в том самом тёмном платке, в котором она обыкновенно разгуливала возле подъезда, подымала брошенную посуду и детям в песочнице кричала: «Ну чево вы, дайте теперь живому поиграть!» Неживыми, по таинственному распределению, считались те, чья была игрушка.

— Вы это как сюда попали? — удивилась Валя.

— Меня Галька довезла и высадила где скажу. Прямо бы к вам подъехала, раз вы здесь, только откуда я знала, что вы так глубоко сидите? У неё бензин, ей поездить ещё надо.

— Галя у вас водит? А какая Галя? Не Галя же с первого?

— А сколько тебе Галь надо? У кисельного, что ль, берега стоим? Взяла да сдала. Теперь ездит. Саратов она ругает. Могли, говорит, поровнее место для города выбрать. А то с одной горы на другую. Зато вниз хорошо катиться, бензин экономит.

На предложение помочь соседка не ответила. Она приоткрыла пустой чемодан и сразу захлопнула. Другой был туго перевязан верёвкой, завязанной на бантик, как пояс у маленькой девочки.

— Ты за меня понесёшь, что ли? Я твоего брата просила, ещё в тот раз просила. Он сказал, что у них на складе на меня места не хватит.

— Его в мае приняли ящики считать. Ещё и карандаш не исписал, уж и полномочия, — сказала Валя. — Что там у вас?

Мелькнула досадная мысль: а что если мать пообещала, что Валя возьмёт всё это продать? На той неделе мать с Зиной виделись, значит, могли, как у них в обычае, решить что-нибудь, кого не спросив, за того и радуясь.

— Меня насчёт тебя твоя мать не посылала, — сказала тётка Зина, угадав, о чём та подумала. — У меня, родная, своё. Здесь вышивание. Ты хоть на меня глянь, я ещё крестом по полю пойду куда угодно. Чистая работа. А они у меня говорят, надо выбросить. Может, мои подушечки кому на дачу нужны, да и чехлы на сиденье. Ты же знаешь, я в швейном цехе тридцать лет. У меня руки.

Короткие набрякшие пальцы лежали у Зины на коленях. Валя заметила, что на обоих указательных ногти спилены с одного бока.

— Откройте. Просто посмотрю хоть.

Зина разрешила. Валя развязала бант на полном чемодане. Внутри лежали знакомые на диванах думочки, деревенские радости наволочек, подзоры с дырками и с кружевными цветами. Были и подголовники на сиденья из серого плюша. Один оказался с вышитой головой жирафа, высунутой сквозь автомобильный люк. И до чего жираф был наглый, с какой безупречной бестактностью смотрел на них сверху вниз! Валя фыркнула. Ей сразу захотелось этот подголовник, хотя никакой машины, кроме ремнём стянутой Бориной, поблизости не имелось.

— Разных у меня три. Все с картинки, — сказала Зина.

Валя отогнула край чехла, и жираф засунул шею обратно в машину. Отпустила. Снова вылез.

— Вы на чём вышивали?

— Руками. А на чём? Пяльцы тебе мои показать?

— Я про тряпку. Она ж после стирки ляжет вон туда, к стеклу. Раз уж человек от машины не требует, чтоб из неё другой зверь вместо него показывался, то тряпку захочет хорошую.

— Ничего она тебе не ляжет. Растяни. Ты ж не в яслях.

На изнанке, где хвосты нитей тянулись через поле рисунка, шла косая двойная полоса. Валя поддела её ногтем и не сумела оттянуть. Под тонким плюшем сидела вторая, крепкая и немного пружинистая ткань.

— А сколько с него? — спросила она.

Зина назвала цену. Получалось как за три чашки чая со сдобой на вокзале, и это за целую неделю вечеров, если глядеть на жирные жирафовы губы вблизи. Один рот вышит тремя оттенками коричневого, а Зина брала за него, будто всё удовольствие уже получила, пока шила.

— Дайте один, — сказала Валя. — Если к вечеру не уйдёт, сама вам назад принесу. Если уйдёт, остальные два возьму завтра. Денег вперёд сейчас не дам. За что вы мне будете должны? За то, что я отнесла? Нет. Посмотрим, за сколько человек купит. Я у вас возьму четверть того, что сверх вашей цены накину.

— То есть если ты возьмёшь мою цену, себе шиш?

— Ну и что мне с вами делать? Правильно.

Зина ощупала собственный подголовник. У неё открылся рот, и Валя ждала, что она сейчас начнёт просить. В голосе тётки за всё утро не прозвучало ничего, что походило бы на просьбу.

— Ты мне это напиши. На двух бумажках напиши. И моё имя с фамилией, и твоё. Как расписку за деньги. А то у нас сначала со мной по-свойски, а потом я без ниток три года сидела.

— На двух так на двух. Пошли к моему столу. Или вы тут так и будете сидеть?

— Ты напиши, ты придёшь сюда. Чтобы потом никто у вас на меня не показал: вон ты на нашем месте сидела. Сидела я под липой, на чемодане. Земля у меня под ногами саратовская, экземпляр в руках будет, мне этого пока хватает.

Валя успела сделать всего ничего: взять у Вити два чистых обрезка бумаги, выпросить синюю ручку, продемонстрировать жирафа Нине. Нина потянула крохотный плюшевый люк, и

зверь снова нырнул вниз. Во дворе интересовались чужими занятиями охотнее, чем собственными. Серый чемодан под деревом так долго стоял неподвижно, что отсутствие под ним тени от головы удивило Валю, когда она повернулась к воротам. Пройдя несколько шагов, она разглядела, что Зина стояла у калитки снаружи и махала рукой. Двое мужчин вместе с чемоданом на вытянутых руках двигались к синей будке. Они несли тот, в котором ничего не лежало. Несли осторожно, вдвоём, точно в нём спал ребёнок.

— А вы куда? — крикнула Валя.

Была у неё даже надежда, что Зинина дочь успела прислать с работы двоих парней. Они остановились бок о бок и разом оглянулись через плечо. Им было лет по тридцать. Лица чистые, бритые, по верхним губам отделились бусинки пота. Один на ходу попробовал вытереть губу о плечо.

— Вы не тот взяли. Этот пустой, — сказала она.

— А нам всё равно, — ответил тот, что был пониже. — Мы на хранение.

— Так она не хочет, — сказала Валя.

Тётка Зина за оградой молчала. И то, что она не кричит, всё сильнее волновало Валю. У неё пока отнимали пустой, но добротный дорожный чемодан. Она бы за гнутый кухонный тазик давно подняла такой свист, что Галя приехала бы с другого конца города разнимать.

— Это вы у себя на хранение берёте или в будку? — спросила Валя.

— Он Витин? — спросил второй, с высокой выгоревшей макушкой.

— Бери выше, — сказал первый. — Весь город теперь Витин.

И они понесли чемодан дальше. Комнатка, куда они с ним скрылись, впрочем, оказалась не синей будкой, а бывшей масляной возле въезда. С двери ещё не убрали предупреждение беречь руки от горячего масла. Прямо поверх синей каймы новой кистью была положена рыжая корабельная эмаль, выпуклые капли застыли у порога. Зина стояла на тротуаре, привалившись к горячей металлической части ограды. Полный чемодан Зина успела опять перевязать, он остался под липой. Валя села прямо на этот перевязанный чемодан.

— Они пустой взяли? — спросила она соседку.

— Пустой взяли, а денег с меня требуют как за полный. Говорят: «За хранение. Отдадим, как заплатишь». Я им крышку открыла, они и смотреть не стали. Ты мне чемодан не продави, Валентина, у меня там вышивка.

— Погоди немножко. Не уходи.

— На «вы» я тебе больше не годна? — спросила тётка Зина. За хранение она платить не собиралась. В масляной за деньги оставляли на ночь товар: однажды в грозу Нина отнесла туда обувь и потом рассказывала, как хорошо проснулись они обе, она у себя под одеялом, пара сапог в сухой коробке. До этого дня Валя и сама была рада, что неподалёку засов и крыша.

— Я могу взять ваш чемодан с собой? — ещё раз, по-другому спросила Валя.

Зина кивнула. Валя поднесла туго перевязанный чемодан к машине. Девушка с заколотой юбкой охотно согласилась посторожить. Её отец в майке и рабочих брюках присел на борт, прихлопывая варежкой по колену.

— Вы хотели кроватки где-то оставить? Так пойдёмте, заодно узнаете, почём у них выводок берут переночевать. Зина Петровна, вы тоже. Чтобы при вас считали.

— Подожди тогда. Нога у меня затекла, — сказала Зина.

В масляной сидел тот, что пониже. Он перекатывал на пальцах новую, завёрнутую в целлофан кассету для магнитофона и разглядывал в плёнке собственный нос. Никакого окна в комнатке не было. Один-единственный квадрат света упал внутрь вместе с их ногами. Валя увидела Зинин чемодан, стоящий на ребре.

— Вот этот. Сколько с неё возьмёте? — спросила Валя. — А потом человеку скажите, сколько за четыре детских кроватки. Он выбирает, где оставить.

— Да я с неё вообще ничего не беру, — сказал парень, поглядев на руки столяра. — Она же не на ночь.

— Точно, не на ночь. Зина Петровна, несите. — Валя повернулась к столяру. — А вы хотите, я вам покажу, на чём она сидела, когда они сами к ней подошли?

Зина ухватила чемодан, толкнула крышку, и свет прошёл через тонкую щель у петли. В дверях стояли уже и Витя, и Нина, и человек пять посторонних. Столяр посмотрел на пустую серую подкладку.

— Пожалуй, я съезжу к зятю. Он по крайней мере ничего не обещает даром. Сразу говорит: Федя, с тебя бутылка. А близкие люди просят так, ещё и ночевать предложат.

Он сорвал с гвоздя клочок пакли, прилипший к голой руке, и вышел.

— Тебя самого-то жена без бирки на базар отпускает? — спросила Зина парня с кассетой. У неё вернулся голос.

— Я ж тебе сказал: забирай, — ответил тот и спрятал кассету в карман. — На ночь придёшь, уже не возьму.

— Я в это время суток законно дома сплю.

Пока они возвращались, дочери уже успели перевернуть две кроватки и задвинуть их в кузов ножками кверху. Зина Петровна разулыбалась. Забрала полный чемодан у девушек, а у Вали — одну из двух расписок за взятый на продажу чехол. Вторую обе подписали тут же, положив бумажку на крышку чемодана. Вале нравилось, что пришла она сюда из-за одного чемодана, а ушла с ощущением, что двое сильных мужчин, возле которых люди проходили боком, лишились не одной только старухи. Отказ столяра они надолго запомнят.

— Пришлось бы платить, ты заплатила бы? — спросила Нина несколько погодя, когда они уже снова держали свои места за столом, вместе с коробками, шнурками, каким-то глупым жирафом среди них. Всё для продажи.

— Не знаю, — сказала Валя. — Денег-то сколько будет?

— Дело не в деньгах.

— Вот ты сейчас и соврала. Ты такое сумела сказать, только потому что не договорились, сколько.

Они больше не занимались этим вопросом. Вечером оказалось, что Галя не приехала за тёткой Зиной. Тётка устроилась под липой и уезжать не собиралась до первой продажи жирафа. Пришлось его купить. Валя не стала вычитать четверть разницы между покупкой и продажей, потому что разницы не было. К самой старой цене тётка прибавила по дороге домой просьбу купить ещё и второй, а заодно заскочить к дочке, узнать, завелась ли машина, но Валя с удивлением увидела, что научилась не соглашаться разом на всё.

Валиной будущей машине достался её первый предмет. Ни руля, ни колёс, ни капота у неё пока не было. Зато с того места, на котором со временем предстояло сидеть какому-нибудь близкому человеку, уже торчала красивая дурацкая голова.

Глава 5. Непарные

Валю разбудил материнский смех. Мать заливалась так, что Валя ещё не открыла глаз, а уже улыбалась. На кухне низкий мужской голос рассказывал, как они укладывали в кузов холодильник на ребро, а из холодильника спрашивали, не проще ли было сразу договориться с носильщиком. Голос останавливался, давая матери отсмеяться, потом шёл дальше в том же невыносимо спокойном темпе. Валя села на постели. Часы показали начало седьмого.

Там сидел Боря, у которого правую дверцу «Жигулей» надо было прикручивать ремнём. Перед ним стояла миска с горячим молоком, в миске плавали четыре плоских половины пряника. Видимо, он не впервые пришёл спозаранку. Из-под клеёнки выглядывали отцовские тапочки. Задник у правого отставал. Отец всякий раз терпеливо оттягивал его за кожаный язычок и натягивал на пятку, словно предстоял ему долгий путь и никак нельзя было лишиться в дороге тапка.

— Я, может, не туда попала? — спросила Валя.

Мать посмотрела на Борины ноги, как будто тоже только что их заметила. Отец умер четыре года назад. Вале до сих пор казалось, что у него просто долго не доходит очередь выбросить старую пару и купить новую. Она всё смотрела в пол.

— Экскурсия, гражданка, — сказал Боря. — Кормят бесплатно. Посетил все интересные места, осталась одна ванная. Разрешите, Анна Фёдоровна, у вас руки помыть? Я вчера с машиной навозился, под ногтями до сих пор не отмывается.

Мать из-за его спины погрозила Вале кулаком. В ванной зашумела вода.

— Валентин, — сказала она. — Ты бы не корчила страхи на раннюю голову. Люди к нам приходят, разве это плохо?

— Очень хорошо. А он что возит?

— Сервизы. Пришёл показать, что подобрал. А сейчас меня подвезёт, мы обещали до обеда забрать одну вещь.

— А вчера он куда тебя возил?

Вчера утром мать принесла домой кабачок и подсохший маленький букет, стакан для него нашёлся под раковиной, давно свезённый из заводской столовой. Валя обнюхала цветы. Ничем не пахли. Она поставила их у себя на подоконнике, в пятне солнца.

— А вчера его жена просила отвезти нас к креслам. Два кресла увидала у знакомых, на продажу. Не на чем, говорит, внуков посадить. Вот все трое и съездили.

— А жена есть?

— Тебе показать, чтобы поверила? Из разных мест к людям бабы приходят. Ох, Валентина, умеешь ты влететь с утра, прямо жалко, что от тебя нельзя поспа-а-ать! — На последнем слове мать положила лицо на сложенные ладони и стала катать щёку по косточкам пальцев. — Смеёмся мы. Было у нас смешное дело. Бизнес у нас, если ты спрашиваешь. По четвергам и по воскресеньям маленький частный бизнес. У тебя свой прилавок. Этот мой.

Валя обернулась к окну. Там стояли четыре их бокала и ещё два чужих, тоже хрустальные, но с мелкой косой насечкой на ножках. Боря принёс их в газете.

— Кому мой бокал понадобился?

— Твой останется у меня. Те два купила я, — сказала мать. — Можешь узнать, за сколько.

Она показала круглую цифру, написанную на газете жирным фиолетовым карандашом. За такие деньги Вале пришлось бы продать почти все свои английские булавки. Даром что английские, продавались они за копейки.

— А платить ты чем будешь? Тапочками?

Валя тут же пожалела о сказанном. Мать посмотрела ей в глаза, и мгновенная складочка тронула уголок её губ, а вполне могло бы быть иначе. Перестают же матери в один утренний миг

разговаривать с детьми. И ходит потом человек между людей всё с той гадостью, что последней сказал о паре тапочек.

— У меня есть доход, — отчётливо сказала мать. — Два бокала я продала одной женщине. Ей хотелось, чтобы у неё были такие же, как у матери. Других нет. Её мать умерла пятнадцать лет назад. Вот она принесла один целый, а у меня был точно такой. Помнишь, какой у нас скол на ножке? Всё равно согласилась. Мы с ней съездили ещё к двум, набрали полсервиза, и я за труды свои получила. Не миллион. Побольше, чем на буханку.

Боря вернулся в кухню босой. Домашние туфли он снял на пороге ванной, а обратно принёс в руках, одну вставил в другую.

— Нюра, ты же говорила, тут рядом обувная мастерская. Возьмусь я лучше твои тапки в починку отдать. А то приду в другой раз, мне повернуться в них невозможно. У меня на сандалиях застёжка отлетела, так я до конца лета по даче босиком бегал.

— Никакого другого раза тебе не будет, если я сегодня до обеда твоих кресел не досмотрю, — сказала мать.

Вот эта маленькая надобность затворила все двери, из которых мог бы раздуться домашний скандал. Валя обеими руками взяла тапочки. Пощупала у правого тапка оторвавшуюся полоску. Обещала передать мастеру, он там у них правда есть, если мама хочет. И сама именно сегодня пойдёт к нему вместе с Ниной.

— Для того, собственно, я протезистом на рынок и нанялась.

— Ты возьми с собой наши тарелки, — сказала Нюра. — Протезы им не требуются. Вот к таким, если тебе не совсем некогда, к таким, Петровна, мне нужна супница.

Петровной мать звала любую привередливую женщину, в честь своей свекрови. Валя успела спастись из дому с одними тапочками. Образец суповой тарелки мать благоразумно оставила у себя.

* * *

В сапожной мастерской передавали по радио погоду и положение с пшеницей. Кепка на чёрной кудрявой голове Иосифа Юльевича лежала как блюдце на арбузе. Нина окликнула его ещё с порога, а Валя впервые представилась, назвала фамилию и зачем-то добавила, что торгует рядом, за воротами рембазы. Это он и без неё видел день за днём.

— Ну наконец пришли, — сказал он. — Два месяца ждал, когда вы на одну правую ногу другую правую найдёте.

Более двух месяцев половинки одной воображаемой пары жили отдельной жизнью. Сразу после встречи у школы Нина привела сюда Юхову. Мастер дал два башмака надеть по очереди, ничего не брался сочинять с нуля, ему было не из чего и некогда. В наших руках есть то, что можно испортить, — так он выразился. Из тех двух комков товар невеликий, а урок получить можно. Оставил себе бумажный след ноги в чулке и попросил зайти через десять дней. Потом заболела Инна. Потом у мастера лопнула водопроводная труба и два дня «шили воду и забивали в неё гвозди». На сегодня договорились, что Нина привезёт мягкие полусапожки с низким устойчивым каблуком, один чёрный, другой рыжий. Размеры у обоих подходили. Две разрозненные правые штуки ей подкинули с обувного развала за ничтожные деньги: левые выставили как образцы, а при переезде потеряли целый ящик выставочной обуви.

Инна Юхова была уже там. Филю оставили дома. В закутке за полотняной занавеской мастер приспособил низенькую мягкую скамейку. Инна сидела на самом краю, чтобы кто-нибудь ещё тоже мог устроиться возле неё.

— Это под меня? — спросила Инна.

— Это для двоих, — сказал он. — Старика приведут, а бабка даже в жару рядом до конца стоит, пока он меряет. Второго места не было. Теперь есть.

Рыжий оказался тесен в подъёме. Он ещё как будто и не сидел на ноге, а Юхова уже принялась осторожно вынимать пятку, чтобы не пережимать шрам. Чёрный был широк в голенище и закрывал ногу снизу чуть выше самых щиколоток. Там, где проходил шрам, под подкладкой выступал припуск шва. Мастер подцепил ногтем завёрнутый внутрь край.

— Если его потянуть, он с вашей стороны выйдет гармошкой. А если совсем выпустить — сделаем валик снаружи. Снимайте.

Нина присела возле женщины и взяла за обе стороны голенище. Когда Инна освободила пятку и продавщица приложила изнутри к шву палец, мастер показал ей, где разойдётся подкладка. Здесь Валя помочь не могла, и странно было видеть, как подругу занимает одно только это белое сукно.

— Я посижу минуту, — сказала Юхова и подвинулась, освобождая Нине место на низкой скамейке. — Как же здорово было бы в таких на обед сходить.

— В разных? Только что обе на одну ногу мерили.

— Я про то, что низенькие. Вы не сердитесь, но все до одного, кто обувь мне шить брался, хотели первым делом на ней узор выжечь или язычок кожаный придумать. На широкий, говорят, подъём можно щёчки такие поставить. А я не хочу щёчки наружные на ногах у себя носить.

— Вы живой человек, — согласился мастер. — Вот из этого и сделаем. Одинаковую пару ищите через её знакомого, — он указал на Нину, — если материал будет такой же. Мягкая кожа, подкладка без меха. В рыжем вы до поворота на угол дойдёте и снимете.

На другое утро Нинин знакомый ехал за обувью. Заказать одну пару определённой модели означало заплатить ещё за четыре из той же коробки. Попросить одну можно было, получить трудно. И всё же Нине хотелось принести в этот закуток настоящую пару, не сироток чужой закупки, и продать обе на две ноги, как всем продают.

— Я такую коробку возьму, — сказала Нина.

— Чтобы из-за того, что я?

— Потому что я другую такую ногу тоже обую. Вам сделаю по цене, о которой говорили, когда вы ещё у меня на одной ноге подпрыгивали.

— Но мы тогда о цене не договаривались. Я у вас спросила, сколько. Тут вы мне очень ловко ответили, я вам запомнила. Сколько да сколько…

— Семьдесят, — сказала Нина.

Она назвала следом слово «тысяч». Валя видела у них дома стеклянную дверь в кухню, старую, со сколом. На новую Аркаша откладывал. Может статься, деньги на дверь и есть всё, что Нина сумеет собрать до утра. Полной цены вперёд у Инны не попросишь. И с прочими четырьмя Нине ещё ездить и ездить.

Инна, выслушав цену, пригладила на коленях юбку и опустила подол, чтобы он снова закрыл шрам.

— На первую получку столько не будет. А на две хватит. Если я дам наперёд — вы не испугаетесь, что я здесь с вами теперь навечно поселюсь?

— Сколько у вас сейчас есть? — спросила Валя.

Юхова назвала меньше десятой части. Зато она работала в школе, а учительницы и поварихи тоже стояли по семь часов и вряд ли хотели тратить на дорогу за покупками целое воскресенье.

— Так вы у себя на работе и спросите, кому ещё такие нужны! — предложила Валя. — С вами тогда четверо наберётся. Пятую пару мне или Нине оставить. Скажете учительницам, что вы сами носите, что мягкие. Возьмёте у трёх по трети цены, а мы к вам на обед с коробкой. Вам самой сделаем подешевле, хоть за службу благодарность будет.

Ей уже виделась школьная кухня, где все садятся за один длинный стол, меряют разом и уходят довольные, расплатившись разом тоже.

— А можно я всё-таки не буду говорить, что ношу? — спросила Юхова. — У нас у повара нога, у завуча нога. Пока всех обойдёшь, уже не человек, а чья-то нога. Со сколькими людьми я теперь должна на работе здороваться с виноватым видом, если сапоги не приедут?

Мастер отвернулся к верстаку и снял с гвоздя острые ножницы. Он был занят. Нина тихо перебирала белый край подкладки. У Вали запылали щёки.

— Ну да, — сказала она. — Я коров пригнала, а вы их доите.

— Вот именно, — ответила Юхова, и вдруг все рассмеялись. Она первая.

— У меня ещё папины тапочки. Я их здесь могу оставить? — спросила Валя, уже без всякой деловитости. — Задники старые сохранить, пожалуйста, если можно.

— Можешь. Дело нехитрое. Тебе когда сказать цену, до починки или после того, как сам уже носить начну? Ладно, не красней, давай сюда.

Первый раз у него засмеялась и Валя. О тапочках они договорились сразу. Про остальное говорили долго. Теперь всякий называл только свою цену. Нина закажет чёрные, если у возчика сыщется отсрочка хотя бы на две пары. Инна расплатится в два приёма, когда начислят и отдадут заработанное. Сколько возьмёт за перепущенный шов, Юльевич сказал сам и сбивать цену даже для Нины запретил.

— То есть мне всё равно ждать? — уточнила Юхова, обуваясь.

— Да, — сказала Нина. — Но хотя бы знаем, чего.

Мастер и Инна остались прикинуть, где отметить на подкладке оба конца шрама. Нижний край бумажной полоски приложили изнутри к стельке у пятки. Нина пошла проводить Валю до двери. За порогом та не без злости толкнула подругу локтем.

— Ты ведь меня позвала торговаться. Скажи, что нет. Я всё равно не поверю.

— Позвала потому, что ты придумала, как жёлтые шнурки продать. Думала, поможешь мне решить, куда остальные четыре пары. А ты решила маленько иначе. Не сердишься на неё?

— Не сержусь.

— А почему молчишь?

Валя не нашлась с ответом. Больше всего её смутило собственное «вы сами носите». Разве ей по дороге сюда приходило в голову, что она станет учить взрослую женщину врать? Она бы, пожалуй, сама сунула Нине денег за пару, только бы их теперь не вспоминать. А у неё совсем другой был счёт собственным деньгам, и с чего бы ей его стыдиться?

— Я себе машину буду покупать, — сказала она.

У Нины с губ пропала улыбка. Она вынула из кармана белую катушку ниток и несколько раз повернула между пальцами.

— И уже умеешь водить?

— Пока только выставлять на подоконник то, что внутри будет к сиденью пристёгнуто.

— Ты мне там, на заднем, для одной коробки место всё-таки оставь. Сейчас погоди, о шве дослушаю, и пойдём. А то ты сбежишь, деваться мне будет со своими четырьмя парами некуда.

Через несколько минут Нина вышла. Она спускалась с кривого порога и на ходу, не глядя, взяла Валю под руку, чтобы не оступиться. Вале больше не пришлось показывать, что сердиться она раздумала.

Глава 6. Дождевые деньги

Филя пришёл на рынок обутый. На одной задней лапе у него сидел младенческий носок с жёлтой тесёмкой. Пёс поочерёдно задевал им каждую лужу, словно зря три человека возились поутру, чтобы он не мочил исцарапанную подушечку. Инна Юхова держала поводок высоко, оттого шла, приподняв одно плечо. Чёрные полусапожки она носила уже две недели. Иосиф Юльевич вывел шов наружу и закрыл узкой полоской мягкой кожи. Юхова всё поглаживала это место, когда нагибалась поправить собаке съехавший носок.

Из той пятёрки Нина рассчиталась за три пары. Одну купила себе, другую продала стенографистке, которая собралась к матери в Ригу и не хотела явиться в дырявых туфлях. Третью — Кате из аптеки. У Кати после неудобной обуви нога ещё два часа ёрзала по постели; за мягкую кожу она не торговалась. Юховой продали в долг. Оставалась пара тридцать пятого размера, в неё никто не влезал. Аркаша видел, до чего Нина извелась из-за отсроченного платежа за последние две пары, и теперь за завтраком осведомлялся, как там у них, не подросла ли маленькая сама собой.

Юхова вынула из узкого кошелька две банкноты.

— Пока всё.

— Спасибо. Ты до получки остаток у себя держи, — сказала Нина. — Я подожду.

— Если бы у меня там что-то было, я бы принесла. Вам, может, в субботу помочь со столом? У меня из дома дверь открывается в любое время, замка всё равно нету.

— У нас свой носильщик.

Она погладила свою поясницу, ставшую заметно мягче оттого, что вдвоём доску носить куда приятнее. Какой смысл выманивать женщину к восьми часам из дому? Инна всё хотела что-то додать. Впору сказать: «Да пропади твои деньги совсем». Но расстаться со своими семьюдесятью тысячами на одном том основании, что кто-то произнёс их вслух и слушать было неловко, Нина всё-таки не могла.

— Мы можем за остальным в сентябре встретиться, — сказала она. — Носи на здоровье. Будет получка, тогда и приходи.

Инна прошла с Филей к обшитому железом ларьку, где продавали яблоки и груши. Из бокового отделения кошелька она достала ещё одну бумажку. Нина с удивлением поймала себя на мысли: это ведь могли быть мои деньги. А что дальше? Вырвать у неё грушу? На улице пахло казённой горячей пылью, Нина провела языком по пересохшим губам. Инна купила себе одну-единственную грушу, откусила с самой широкой стороны, пёс у ноги потянул носом и пошёл дальше. Хорошо всё-таки, что она не оборачивается, решила Нина.

К полудню небо над бывшими гаражами сделалось сизым. Сначала ударило в дальний конец железной кровли. Доли минуты хватило, чтобы гул прошёл по ней от края до края. Нина не успела снять со стола даже замшевую щётку.

Она сунула оставшуюся пару в коробку из-под мужской обуви. Сверху бросила полотенце. Вместе с Валиными вещами товар прижали к щиту, который отделял дощатый закуток с вешалками от прохода между рядами. Небо сделалось белым. Вдоль забора потекла мутная вода. Накануне грузовик с картошкой провалился задним колесом в канавку у ворот, и под шину накидали кирпича и земли. Колесо вытолкали с утра всей улицей. Теперь подпорка лежала точно в том единственном месте, где при сильном дожде вода уходила со двора к уличному стоку.

— Там скоро этажом выше поплывёт, — сказала Валя и побежала к воротам.

Она нагнулась к воде и тут же отдёрнула руку. Из-под размытого кирпича торчал зазубренный край железного листа. Нина натянула на голову упаковочный мешок, пробив угол,

чтобы было видно, куда бежишь. В самом низком месте двора люди уже держали коробки на весу, отсюда слышно было, как женщины пытаются перекричать дождь.

— На стулья! — кричали там. — Марусь, какой ящик первым? Мальчишка, стой!

Марья схватила за воротник соседского мальчишку, который хотел достать уплывающий мяч. Его посадили на ящик, поверх которого только что уложили дорогую плащёвку. Обычно её хозяйка всякий раз мыла руки с мылом, прежде чем взять отрез. Сейчас она подтолкнула ребёнка подальше на своё сокровище и велела держаться.

Над половиной Нининой доски был натянут холст с заплатой. Её собственный тент, как называл его Аркаша. Холст держал, его ещё осенью мать подшила. Вода шла поверх земли и уже подбиралась к коробкам под столом. Валя вынесла свободную доску от ворот, обхватив обеими руками и положив конец на плечо.

— Хоть бы кто свободный помог! — крикнула она.

Высокий мужчина из масляной кивнул со своего порога. Там уже ставили коробки. У него, как у проводника при посадке, был вид терпеливый: пассажир суетится, а поезд всё равно без тебя никуда не денется.

Валя опустила доску у забитой канавы. Саня, что привозил масло в проходную, посмотрел с другой стороны. Вода подбиралась к ремешкам его сандалий. Через минуту завязки поплыли по щиколоткам.

— Сань, помогай.

— А чего я сделаю? У меня трактор тут в кармане, что ль?

— Ты мне открой тот сарай, где вы продукты на зиму прятали. Я тебе стойку оттуда вынесу, вместе сдвинем.

Саня замялся. За стойку ему придётся отвечать, и у хозяина сарая он ещё ни разу ничего без спроса не брал.

— Если поплывёт к тебе за ворота, стока не хватит, — сказал мужчина из масляной. — Тоже радоваться нечему.

Всё-таки Саня отпер сарай, и вдвоём они приволокли железную стойку. Острый конец просунули под лист, который прижал кирпичи, доску положили под стойку. Валя навалилась на длинный конец и повисла — одна была слишком легка. Марья Ширшова подскочила с края и помогла. Глина с хлюпаньем вскинулась, лист лёг набок, вода пошла к уличному стоку. На выходе из канавы она подхватила два плоских щитка, на которых ещё утром лежал товар. Марья сунулась ловить щиток, пока он не ударил о водосточную решётку. Один она всё-таки выхватила.

Потом она выпустила его. Левая рука у неё заблестела красным от большого пальца до железного браслета. Браслет зацепился за жестяную полоску, которой скрепили треснувший край щитка. Рядом с браслетом кожа разошлась до мяса.

— Жестью как полоснуло. Ох! — сказала она.

Нина принесла полотенце с обувной коробки. Марья крепко прижала его к порезу. Подругу вывели из дождя под навес проходной. К окну с телефоном побежал Витя, прижимая локтём к животу намокшую за пазухой квитанционную книжку.

— Передай Вите, пусть мужу позвонит, — сказала Марья. — Он будет в кооперативе. Вообще скажу тебе, что надо делать: сломать ногу, чтоб слесарей во дворе стало больше. Все кидаются, святые такие.

— Мы сейчас к тебе машину подадим, — сказала Валя.

Марья Ширшова вдруг сделалась серьёзной.

— Мы не подали тогда, когда тебе надо. Помнишь, в мае ты просила подвезти? Ты с матерью ездила на кладбище, так у каждой из нас оказалось чем заняться, у нас с мужем, например, была страшная занятость — собаку на дачу. Ту самую, которая на заднем кресле до сих пор рычит на меня, если ближе ладонь приблизить.

— Ты-то к чему это теперь рассказываешь?

— Мне стыдно. Не видишь, что ли?

Валя выдернула из-за пояса клеёнчатый кошелёк. Снаружи по нему бежала вода, зато бумажки внутри остались сухие.

— Я за машину плачу, — сказала Валя. — Уговорились, Марусь? Кто захочет, мне после отдаст. Хоть рубль. Больше, чем действительно уйдёт, не берём.

Она уже это говорила человеку, который остановился. У него была на крыле лысина побольше, чем на собственной голове, а из машины синим паром сочился светлый табачный дым. Мужчина выбросил сигарету. Все звали его таксистом, хотя таксист, наверное, всё-таки ездит по службе, а этот старичок приезжал на базар к одной продавщице, чтобы стоять возле неё не больше и не меньше трёх раз на неделе. Ширшова не отвертывалась от того, что сейчас погрузится в машину, но всё ещё, как девочка, обидевшись на сестру, смотрела поверх их голов и размахивала здоровой рукой, вызывая кого-то издали.

— Если она соляркой пропахнет, вы после ко мне без претензии, — сказал водитель. — Ездил за горючим на дачу, а там канистра на боку лежала. Сам-то я к вечеру уже не чую. Постелите хоть чего.

Валя взяла с собой запасное полотенце с бельевого прилавка. Когда кузов скрылся за воротами, Нина увидела, что держит в руке мешок, который сорвала с головы, а внутри мокро и пахнет её горячими волосами. При всех тут не могла привести себя в порядок. Она укрылась в проходной и только там выжала подол.

К вечеру остался на земле светлый осадок из соломы и пыли. Марьину коробку с лампочками Нина отнесла под навес и раздвинула мокрые картонные створки. Потом поправила на плечах пальто и пошла по ряду с пустой жестянкой из-под леденцов. Первый сосед кинул монету. В пустой жестянке та долго гремела, описывая всё меньшие круги.

— Это нам или вам? — спросил человек у ворот. Из масляной он высовывался теперь весь, без шапки, голову украсил прозрачным кульком. Ему было, видно, в радость, что даже лоб под кульком остался сухой. Он проверил большим пальцем.

— Вале вернуть за проезд Ширшовой. Хотите, пойдём считайте.

— А если за вами ходить, кто мне заплатит?

— Да и стойте здесь, — сказала Нина.

Одни приносили сухие бумажки, другие по десять раз уточняли, а до какого места всё-таки отвезли Марью и почему Витя из окна до сих пор ничего не сказал. К тому времени, когда Валя вернулась, мокрые деньги Нина переложила сухими, рулончик закрепила булавкой. Брать из него на сдачу ей бы в голову не пришло.

Марью оставили в приёмном покое. Хирург промыл руку и взялся зашивать; муж уже выехал за ней. Шофёр съездил и за обратную дорогу денег не взял, а до больницы Валя с ним рассчиталась, как договорились. Нина дала ему ещё булочку. Ту он охотно принял, положил на приборную доску.

— Давай сюда, сколько отдала, — сказала Нина. — Я отсчитаю. Остальное вернём.

— А если там лишнее, кому ты его будешь возвращать? Тебя не просили за ними ходить.

— Ты сказала «хоть рубль».

— Я имела в виду как приеду. А ты вот набрала, тут уже половина двора домой ушла.

Сверх поездки оказалось шесть тысяч. В жестянку положили кто сколько хотел, одиннадцать человек, большая часть уже ушла и двоих Нина даже в лицо вспомнить не могла. Записывать следовало с самого начала.

— Завтра я их верну, — сказала она. — Что трудно дойти?

Назавтра Ширшова пришла с перевязанной левой кистью. Муж перенёс за неё лампочки и уселся ждать на перевёрнутый ящик. Она подрагивала от бессонной ночи. Когда услышала про излишек, предложила оставить у Вали до будущего дождя.

— А чем вы будете в следующий раз нужду определять? — спросила Нина.

— Тем же способом. Чья рука станет вдвое толще, на той половина денег. А будешь с большим носом, за дорогу переплатим на нос. Кто не хочет — пусть сейчас возьмёт своё и забудет. Вы же все взрослые. Пусть у одного деньги лежат. Дай их мне, я завтра на продукты потрачу, потом у мужа занимай. А Валя вон на машину копит, свои до сих пор сберегла.

Она показала на Валю здоровой рукой. Из одиннадцати скинувшихся четверо стояли рядом. Никто не потянулся к жестянке. Не ходила Валя за ними, копейки ни у кого не просила. И вот сами принесли. Вчера одиннадцати человекам стоило самых разных усилий раскрыть свой кошелёк; сегодня ей предстояло только закрыть крышку. Валя закрыла и опять открыла. Ободок не сел на банку, погнулся.

— Остальных поищу, по ряду пройдусь. Если хоть один захочет забрать, отдам, — сказала Валя.

— И за порог не бойся, половиков-то мыть тебе никто не велит.

На крышке была напечатана красная смородина, три ягоды на веточке. Валя подогнула край плоскогубцами и положила внутрь записку: «Дождевые, 6 т.». На обороте написала столько имён, сколько Нина вспомнила сразу. В середине списка остался прочерк: ни та ни другая не знали имени человека, который сперва сунул карандаш в знак того, что сейчас вернётся, а потом обменял его на деньги. По утрам он приносил жене горячий обед в стеклянной банке, носил в нагрудном кармане опасно отточенный карандаш. На этом и порешили. Напротив черты Валя так и написала: «Карандаш».

Глава 7. Вишнёвый кузов

В сентябре девяносто четвёртого Валя купила машину, только не совсем такую, как себе представляла. Ночью в гараже она казалась вишнёвой. Утром обнаружилось, что крылья разного цвета, левое почти лиловое, правое яркое, как бутылка дешёвого вина на свету. Впрочем, оба удручающих для новой хозяйки оттенка были гораздо ближе к прекрасному, чем истинный цвет крыши. Крыша напоминала сильно потеревшееся одеяло.

«Москвич», принадлежавший прежде человеку из Петровска, занимал теперь половину прохода к сарайчику, куда мать выносила помойное ведро. В первый день мать с величайшим удовольствием выставила на капот холодец в эмалированном тазу. Соседский парень привёл полюбоваться покупкой девчонку, а девчонка уселась на крыло. Пока Валя отворяла окно, джинсовый карман уже прочертил дугу поперёк замазанной шпатлёвкой латки. Аркаша велел поблагодарить девчонку. Теперь хоть знают, какая часть автомобиля выдержит человека.

За машину Валя отдала почти все свои деньги. После того как их таким образом не стало, она наконец почувствовала себя взрослой. Скопленные деньги возлагают обязанности: положить их в приличный конверт, найти в доме место, недосягаемое для того, кто потребует взаймы или предложит удачную торговлю, вынуть вечером и посмотреть, на сколько за прошедший день они подешевели. Если под рукой только три кучки шнурков по цвету и трещина в лобовом стекле, от которой взгляд водителя невольно уходит вбок, жить становится легко. Менять стекло пока не на что. Зато можно открыть дверцу и сесть, даже если ехать совершенно некуда.

Она без конца что-нибудь в машине оставляла специально, чтобы вернуться за этим утром, пока остальные спят. Однажды вышла в шесть за шапкой, там и просидела до половины седьмого с закрытыми глазами. Первый осенний свет входил в стекло сзади и так трогал шею, что ей было жаль рассветать вместе с ним. Чехол на пассажирском подголовнике оказался в ширину на два пальца теснее. Под головой нелепого жирафа ей пришлось распороть предыдущий шов и нашить сзади красную полоску кожи. Других желающих сидеть тут в шесть утра пока не нашлось.

Первой перевозкой на новом автомобиле должна была стать сидячая ванна. Неровный чугунный жбан на опоясанных ржавчиной ножках стоял на нижней площадке двора. Нинкин муж дожидался там Валю и, как только она подъехала, широко расставил руки, чтобы никто не двинулся к багажнику.

— Будете с утками плавать? — спросила Валя, высунув голову из окна.

— Господи, — сказал Аркаша, — а я ведь не ванну покупал. Я покупал у него станину. Ванну он мне хочет подарить.

Позади ванны отвесным тёмным горбом поднималась чугунная часть штамповочного станка. Валя поставила машину на ручной тормоз и выключила двигатель. Стало слышно, как у продавца сипит горло. Он уже пытался приподнять один край ванны, словно хотел лично измерить, сколько лет назад её можно было ещё увезти на легковой машине.

— Я отсюда и налегке едва выеду. У меня ещё вон какой забор за спиной. До свидания.

— Послушай, — Аркаша выставил в дверцу руку, — это ты что же, хочешь сказать, что отдашь меня вместе с моей станиной в полное и безраздельное обладание вот этому?

— А ты хотел её мне на колени? Зачем ты Нине сказал «две железки»? Железки, они в карман рубашки влезают.

Аркаша потёр ладонью подбородок. Потом достал из кузова за спиной у продавца две планки, обёрнутые в промасленную бумагу, и показал Вале: вот эти и требовалось отвезти мастеру, всего-то шесть кило. Станину заберут завтра другой машиной. На сидячую ванну желающих по-прежнему не нашлось. Продавец с досады прикрыл ванну мешковиной, а они

уложили планки в багажник. Чтобы выехать со двора, пришлось сперва сдать назад к самым воротам. Аркаша шёл рядом, глядя, не зацепит ли зеркало столб, и всё никак не переставал хохотать. Валя поняла, что про ванну узнает теперь весь город.

Получателем планок был Фёдор Онопко. Вместе с сыном он держал небольшую мастерскую, где Нине обещали сварить каркас для палатки. Им наконец разрешили переделать самодельные навесы в постоянные. За минувшую зиму Нинин старый тент истёрся и теперь протекал как раз над доской с обувью. Ей хотелось помещения, где хотя бы до утра можно оставить обувь и знать, что она высохнет.

— Ты с идеей про обувь попрощайся сразу, — предупредил Онопко. — Если я сделаю тебе дом, дом к утру будет. А оставишь товар, можешь утром один каркас получить. Ни ткань на тенте, ни я за это не отвечаем. На ночь коробки уноси в склад.

Уйти с крупного завода Онопко надумал в тот день, когда на проходную вынесли объявление: пропуска старого образца с понедельника недействительны. Сама работа была прежней, люди те же, а он, получалось, должен заново проситься к своему же станку. На проходную он обиделся на всю жизнь. Впрочем, на весах, рамке для фотографии и на раме будущей палатки его обида никак не сказывалась. Эти вещи он делал хорошо.

Аркаша сдал железки. Нина уже была тут, сидела рядом с Людмилой, женой мастера. За её спиной висела страница календаря с фотографией голой женщины, перелезающей через камни. Поверх одного камня кто-то прикрепил снимок человечка на лыжах: лыжи подломились, человечек летел вперёд и хохотал. Валя машинально поправила загнувшийся угол снимка.

— Оставьте, пожалуйста, как был! — строго сказала Людмила.

— Здесь ему на чужой живот катиться, — сказала Валя.

— Так я сама его туда и пристроила. Живот уже десятый год, куда ж его без мальчишки.

Она отвела ладонь. На углу за календарной женщиной стояло блюдечко с кнопками, можно было за пять секунд приколоть снимок по-человечески. Но деталь эта принадлежала к чужому дому. Видно, мальчишке нравилось на таком месте.

— А мне какую поставите? — спросила она у Фёдора, когда Нина из какого-то остатка в ящике с болтами уже сложила себе будущий каркас.

Мастер посмотрел на часы.

— Хочешь подешевле, ставьте вместе. Стойка будет общая, за середину сэкономите и на железе, и на сварке. За материал вперёд. Квитанцию можно каждой свою. Нам зато работать легче, всё в одном месте.

— Вы лучше нас спросите, кому надо, — сказала Валя. — Одну к другой никаких нет причин приставлять. Сделайте мне поуже. На два с лишним метра передней стенки вполне хватит. Нина в полный рост бывает торговкой, я только до половины торгуюсь.

— Поставишь где?

— У будки, через проход от Нины. Внутри двора.

— Хочет в шёлковый ряд, — сказала Нина. — Сначала я ей пирожки давала, потом она у меня дело отобьёт, а под конец станет говорить: «Женщина, вы куда без очереди?» Ладно, там одно узкое место. Ты с Витей про него говорила?

— Говорила. У них теперь новый заведующий, он будет договоры выдавать. Сначала возьмётся все места перемерять, потом решит. Доска им наша больше не указ.

За самую дорогую в своей жизни покупку Валя уже отдала всё, что скопила, кроме денег на починку крыши. Каркас понадобился, чтобы и зимой было на чём зарабатывать. Место возле ворот требовалось уже для того, чтобы установить каркас. Получалось, чего ни достань — ждут от тебя ещё одного, последнего усилия. Самого досадного, потому что хочется в это время коротко передохнуть.

Ей хотелось иметь две двери. Из передней продавать, в заднюю заносить товар и заезжать с ящиками прямо к порогу. Витя надеялся оставить за местом возле будки узкий проезд, а если место окажется другое, Валя рассчитывала там договориться так же.

— Я тебе сзади сделаю калитку, только подумай, — ответил Фёдор, глядя на Валин чертёж из двух спичек и гнутого гвоздя. — Это второй замок и вторая дверь, которую ты сама же забудешь запереть. Люда, расскажи, что у нас вчера со двора унесли!

Людмила возле пресса взглянула на них недоброжелательно.

— Ты же свой дом без заднего выхода держишь, — заметила Валя. — А как из него убегаешь, когда Людмила с тобой не согласна?

— Не убегаю, — сказал Онопко, — а внук в окно вылезает. Валентина, делай что хочешь. Только оплати, пожалуйста, две двери и два замка. Я сейчас назову цену за всю работу. Если дашь половину вперёд, за сварку дороже не попрошу, хоть бы железо к концу месяца ещё поднялось.

В мае на деньги, отложенные в конверт, к машине досталось бы четыре покрышки. К июлю — три. Ещё немного подожди, и останутся одни колпаки, так что вишнёвый «Москвич» она купила вовремя. Теперь по частям расхватывали будущую крышу.

— У меня сейчас на половину нет, — сказала Валя.

Мастер с женой молчали. Железо им самим без денег никто не выдавал.

— А если за работу отработать? Вы сюда всей семьёй на чём приезжаете?

— Это я, что ли? — Людмила подняла голову. — Он пешком. А мне порой так долго здесь приходится ждать, что до дому потом только на глухом угле еле найдёшь человека, чтобы поймал другого человека и отвёз. Забираю его тоже я. Как сам на улице окажется, видит болт в колее и начинает вспоминать, кому бы такой пригодился. Мы в этом воспоминании потом опаздываем даже на последний автобус.

— Ты во сколько бросаешь? — спросила Валя.

— На «ты» мы с тобой уже наехали? Хорошо. В восемь в будни, в субботу раньше. Дальше что, ты меня на своих шнурках в город потащишь?

— На машине. Если не каждый вечер, а по условию, я за вами приеду. Полезно, когда тебя ждут к назначенному часу.

— Полезно кому? — удивилась Нина.

— Мне. Новичкам всегда советуют ездить, когда некуда спешить. Да я так сроду от дома не отъеду!

Людмила оставила кальку и угольник, посмотрела на свои руки. Они с мужем всё считали, в том числе и друг другу, но на этот раз она ничего у него не спросила.

— У меня мать зимой в Комсомольском посёлке. Жила одна и теперь будет жить одна. Она выезжает сама к нам в субботу, моет голову, сидит. Я бы хотела её отвезти обратно. Каждую неделю. Пешком она до весны больше не дойдёт. Не знаю, сколько за это дают и сколько отдашь ты нам за железо. Хочешь — у моего человека делай две двери. В субботу вечером либо её домой отвезёшь, либо, если она не выйдет из дому, меня к ней.

Несколько поездок никак не оплачивали железа для целого каркаса. Онопко сказал, сколько нужно на материал. Денег, отложенных на покраску крыши машины, как раз хватало. А потом уж он прикинул стоимость сварки и каждой поездки — отдельно дорога и отдельно бензин. Валя всё ждала, что он скажет: «Да я лучше сам найму, кого знаю». Но Людмила, которой в конце концов доверяли мать, сама пододвинула к ней листок.

За материал она отдала из того, что берегла на крышу. Остальную сумму расписали по работам. Часть — при установке, часть — поездками, на срок, пока не рассчитается. Когда расплатятся за раму, мать Людмилы сама решит, как ездить по субботам. Медленно выводя свою фамилию, Валя впервые поняла, что согласилась платить за палатку даже в том случае, если новое начальство участка ей не даст.

Когда они с Ниной вышли, одно крыло «Москвича» горело красным в вечернем свете, другое исчезало в густой сизой тени. Нина обошла машину с передней стороны и, прежде чем сесть, приложила палец к крыше. Сняла с краски мёртвого, высохшего комарика.

— Слушай, если заднее стекло стукнет, это всё нормально, — сказала Валя, выжидая, пока пассажирка пристроится. — Не пугайся. Или садись назад.

— А что-то мне кажется, там ещё страшнее. Я лучше спереди с тобой попугаюсь.

На первом же повороте дверь с той стороны открылась на толщину пальца. Нина шарахнулась и выхватила из сумочки пару крепких шнурков, как будто таким образом всё уже было починено, а следовало только найти, куда прикрутить. Валя остановилась у обочины. Заглушила двигатель. У них обеих очень громко стучало сердце от неожиданной, всё ещё чрезвычайно приятной езды.

— Ты только не завязывай. На Бориной машине со своей дверцей я уже наездилась, — сказала Валя.

Нина посмотрела на шнурки в руке. Сама удивилась, поняла и засмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.